

КУРДСКИЙ ВОПРОС В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Садун Рамзес Рамзесович, аспирант
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991 г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: saduni_ramzes@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию курдского вопроса в сирийском кризисе в контексте национальных интересов России. Курдский вопрос на территории Сирии прошёл через несколько формаций. С 1946 по 2011 г. сформировался основной комплекс проблем курдского этноса на территории Сирии. С момента возникновения современного гибридного вооружённого конфликта на территории Сирии, протекающего в условиях интернационализации, курдский вопрос приобрёл новое измерение. На основе анализа релевантного состояния курдского вопроса на территории Сирии, автор приходит к следующему выводу. Курдский вопрос в Сирии в разрезе внешнеполитической деятельности в сфере национальных интересов России на Ближнем Востоке должен рассматриваться в контексте: стабилизации обстановки в регионе Ближнего Востока (недопущения появления новых очагов напряженности с использованием курдского фактора), сохранения за Россией статуса лидера по содействию мирного урегулирования в Сирии, усиления России как мощного и влиятельного военно-политического субъекта в международных отношениях.

Ключевые слова: национальные интересы России, Ближний Восток, курдский вопрос, сирийский кризис, международные отношения

THE KURDISH QUESTION IN THE SYRIAN CRISIS IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS

Saduni Ramses R., post-graduate student
Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: saduni_ramzes@mail.ru

This article is devoted to the study of the Kurdish issue in the Syrian crisis in the context of Russia's national interests. The Kurdish issue in Syria has passed through several formations. From 1946 to 2011, the main complex of problems of the Kurdish ethnic group in Syria was formed. Since the emergence of the modern hybrid armed conflict in Syria, which is taking place in the context of internationalization, the Kurdish issue has acquired a new dimension. Based on the analysis of the relevant state of the Kurdish issue in Syria, the author comes to the following conclusion. The Kurdish issue in Syria in the context of foreign policy activities in the sphere of Russia's national interests in the Middle East should be considered in the context of: stabilizing the situation in the Middle East region (preventing the emergence of new hotbeds of tension using the Kurdish factor), preserving Russia's status as a leader in promoting a peaceful settlement in Syria, and strengthening Russia as a powerful and influential military and political actor in international relations.

Keywords: Russia's national interests, the Middle East, the Kurdish issue, the Syrian crisis, and international relations

Предтечей «национального интереса» является государственный интерес, который получает распространение в политической мысли европейских государств на заре Нового времени. Новое понимание государственной власти уходило своими корнями в политическую мысль Н. Макиавелли. Свои взгляды Н. Макиавелли на роль национального государства представил в таких работах, как «Государь» и «Рассуждения на тему первой декады Тита Ливия» [17, с. 353]. Данные труды охватывают широкую проблематику, но главным тезисом настоящего исследования выступает объединение Италии в форме национальной монархии на фундаменте государственного интереса. Также важной исторической личностью в истории государственного интереса (как принципа политики) был французский премьер-министр и кардинал А. Ришелье. «Политическое завещание» А. Ришелье зиждется на трех положениях: абсолютный монарх господствует в интересах государства, государственный интерес преобладает и возвышается над групповыми интересами, государственный интерес оправдывает действия, которые необходимы для реализации, т. е. государственный интерес выше религиозных, моральных и идеологических принципов [13, с. 6].

В теории международных отношений термин «национальный интерес» получает широкое распространение только после Второй мировой войны, несмотря на то, что уже в 1935 г. термин «национальный интерес» был закреплен в Оксфордской энциклопедии социальных наук [2, с. 37]. В данный исторический период особую роль занимает школа политического реализма. История реализма в политической мысли берёт своё начало с идей таких мыслителей, как Фукидид, Н. М. Макиавелли, Т. Гоббс, К. фон Клаузевиц и т. д. В рамках реализма в ТМО особняком стоит личность Г. Моргентау, который являлся одним из «отцов-основателей» данной парадигмы в ТМО. Концепция национальных интересов Г. Моргентау содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной «национальный интерес» принимает в пространстве и времени. Центральный интерес состоит из трех факторов: природы

интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств [22, с. 163–164].

П. А. Цыганков отмечает, что теория политического реализма сделала «национальный интерес исходным пунктом своего анализа» [24, с. 289]. Для реализма международные отношения носят анархичный характер. Отличительной чертой международных отношений является отсутствие верховной власти, ввиду чего государства могут рассчитывать только на собственные силы во взаимодействии с другими государствами «в отсутствие международного сюзерена, каждое государство испытывает потенциальную угрозу со стороны любого другого и не имеет других средств избавления от нее, как взять оружие для собственной защиты» [21, с. 382]. Представители реализма отмечают, что такие категории, как право и мораль в международных отношениях либо отсутствуют, либо находятся на вооружении сильнейших держав и служат их интересам.

В отличие от реалистов, последователи либеральной парадигмы подвергают сомнению правомерность использования термина «национальный интерес». Оппозиция к термину имплицитно заложена в содержании либерализма, П. А. Цыганков отмечает: «в его основе лежат две идеи, с предельной четкостью сформулированные ещё И. Кантом: идея о единстве человеческого рода, общечеловеческих ценностей и идеалов и идея о возможности и необходимости изменения характера международных отношений в духе гуманизма и прав человека» [23, с. 119]. В отличие от представителей реализма для которых международные отношения наполнены конфликтами и войнами, представители либерализма предполагают, что ядром международных отношений является взаимозависимость государств. Следовательно, главным мотивом внешней политики является не национальный интерес, а сотрудничество и интеграция. Международные акторы в контексте данной парадигмы осознают усиливающиеся сознание людей в общности их интересов, а «конституционная» составляющая международной среды поддается осмыслению только нравственными и правовыми нормами.

Влиятельным в ТМО с конца 1980-х гг. становится конструктивизм. Один из главных исследователей социального конструктивизма А. Вендт утверждает, что государство является центральной единицей анализа в международных отношениях, главные структуры в системе государств обладают скорее интерсубъективным характером, а не материальным. Государственная идентичность и интересы в значительной степени конструируются этими социальными структурами, нежели задаются системе извне природой человека или внутренней политикой [7, с. 385]. Материальные силы проявляются через социальные концепты, которые определяют смысл человеческого универсума. Конструктивизм в ТМО строится на основании двух основных положений: 1) структуры человеческих ассоциаций детерминируются скорее разделяемыми идеями, нежели материальными силами; 2) идентичность и интересы целеустремленных акторов конструируются этими разделяемыми идеями, а не даны природой [6, с. 1]. В отношении национального интереса конструктивисты сфокусированы на социальном содержании интереса. Социальная конституция интереса вбирает в себя все модификации, при которых «актор и его идентичность могут стать объектом влияния в результате взаимодействия с «другими» и социальной «средой» в целом, т. е. процессы социализации, стремление к социальному признанию и престижу, последствиям функционирования социальных норм, влияющих на интересы и поведение, а также наличие или отсутствие чувства принадлежности к сообществу» [10, с. 4]. Тем не менее, представители конструктивизма не отрицают, «что приоритетные интересы, которые движут государствами, предопределяются материальными ресурсами, поэтому государства либо сконструированы материальными силами, или могут рассматриваться, как если бы их конструкция вообще не имела отношения к их интересам и поведению, т. е. государства «минимально сконструированы». Национальные интересы в рамках конструктивизма, это комбинация необходимостей, таких как: выживание, обретение власти, богатство, безопасность и т. д.

Интересы – это свойства, атрибуты, характеристики, или мотивы поведения. Они не существуют сами по себе: всегда есть субъект интересов. Учитывая, что национальный интерес политического актора формируется средой (глобальной, региональной, локальной). Региональные интересы могут рассматриваться, как составная часть национальных интересов страны, имеющая отношение к определенному геополитическому пространству. В этом смысле региональные интересы более конкретны, изменчивы, динамичны, гибки по сравнению с национальным интересом, который более устойчив, ибо отражает фундаментальные потребности политического актора.

Стратегически важным для России геополитическим пространством является ближневосточный регион. К важным внешнеполитическим приоритетам России на Ближнем Востоке можно отнести: борьбу с религиозным экстремизмом и терроризмом, усиление военного присутствия (пример, военные базы в Сирии), создание прочных геополитических союзов (формат Россия – Иран – Турция по поддержанию перемирия в Сирии), привлечение инвестиций в российскую экономику (Саудовская Аравия), координация цен на энергоносители (Форум стран – экспортёров газа, ОПЕК), усиление присутствия на рынках вооружения (Алжир, Сирия, Ирак и др.), нефти и газа (Ирак, Турция и пр.), продовольствия (Египет), развитие туризма (Турция, Египет и др.) [20].

Важной вехой в процессе формирования России как глобального военно-политического актора стал Сирийский конфликт и участие России в борьбе с международным терроризмом. Россия выступила ключевым субъектом поддержания международной безопасности. А. В. Федорченко и А. В. Крылов

справедливо отмечают, что «переход власти к радикальным исламистам чреват возникновением очагов напряженности, экстремизма, началом полномасштабных гражданских войн, которые перейдут через национальные границы» [11, с. 78]. Не стоит забывать, что террористическая «опухоль» вблизи южных границ России имеет прямое отношение к национальной безопасности страны ввиду особенностей этноконфессионального состава южных регионов российского государства. Участие Вооруженных сил России в боевых действиях против террористических формирований «ИГИЛ», «Джебхат ан-Нусра» и «Аль-Каиды» на стороне правительственных войск Сирии не только обеспечили национальную безопасность российского государства, но и окончательно закрепили за Россией статус мощного военно-политического актора [14].

Предлагаемые Россией форматы и запущенные процессы значительно повлияли на политическую репутацию страны в регионе. Астанинский формат позволил создать зоны деэскалации. В свою очередь, Конгресс сирийского национального диалога в Сочи стал первой попыткой запуска процесса общественного диалога, благодаря данной площадке произошла встреча различных этнических, конфессиональных и политических сил Сирии.

Упадок Ближневосточных государств, вызванный несколькими волнами вторжения международно-го терроризма, свержением легитимных политических режимов и гибридный характер конфликтов в регионе оголил нерв застарелых, но не менее важных проблем региона, к числу которых можно отнести курдскую проблему.

Начиная со Средних веков, курдская проблема стала детерминантом внешнеполитической и внутриполитической жизни стран, на территории которых проживали курды, ввиду появившихся первых курдских эмиратов, заявивших о своём праве на существование. Термин «курдский вопрос» возник в новейшее время после распада Османской империи, в период раздела державами Антанты Курдистана. Договор об окончательном разделе азиатских провинций Османской империи 1916 г., известный как соглашение Сайкс-Пико (по именам его авторов английского представителя Марка Сайкса и французского Франсуа Жоржа-Пико), помимо раздела арабских территорий между Англией и Францией и Россией, также решал и судьбу этнического Курдистана (за исключением его иранской части) [12, с. 142]. Первоначальные соглашения между странами-победителями не были реализованы, но легли в основу Севрского мирного договора, который наделил курдов правом на автономию в составе Турции под контролем Совета Лиги наций, впрочем, замысел не был воплощён и остался лишь на бумаге [5]. Заключительным этапом раздробления курдского ареала стало подписание в 1924 г. Лозаннского договора, который аннулировал Севрский мирный договор.

При этом часто под «курдским вопросом» понимают национально-освободительное движение курдов и борьбу последних за свою автономию или независимость. Определение «курдского вопроса», как национально-освободительного движения отражает лишь один из аспектов курдской проблемы в регионе. Наиболее приемлемым определением с позиции политологической науки будет являться следующее определение. «Курдский вопрос» – это комплекс политических, социально-экономических, культурно – этнических кризисных процессов возникающих на территории стран (Турция, Сирия, Ирак, Иран) компактного проживания курдов, провоцируемых нерешенностью курдской проблемы и возникающих между курдским населением и государством.

На территории Сирии курдский вопрос, как комплекс социально-экономических и культурно этнических проблем, вызванных нерешенностью курдского вопроса, формировался в период новейшей истории Сирии. С 1946 по 2011 г. сформировался основной комплекс проблем курдского этноса на территории Сирии, он характерен притеснением курдов со стороны центральных властей. В середине XX в. политическая элита страны культивировала особую секулярную арабскую идентичность, которая гармонично консолидировала суннитов, друзов, алавитов и христиан в единый национальный блок. В 1950 г. принятая Конституция не предусматривала места курдам, а Сирия провозглашалась арабской республикой, а народ Сирии признавался частью арабской нации [15]. Апогей государственной политики по искоренению курдского элемента из общественно-политического и этнического пространства страны пришёлся на 1962 г. Согласно декрету № 93 на территории проживания курдов была проведена особая перепись населения [16, с. 87]. В ходе переписи для дальнейшего получения сирийского гражданства курдам необходимо было представить документ, подтверждающий проживание на территории страны до 1945 г. Курдское население было разделено на три группы:

1. Граждане Сирии.
2. «Аджнабий» (иностранец), курдское население, у которых гражданство изымалось.
3. «Мактум» (незарегистрированные), курдское население которое при наличии гражданства не оказалось в переписных листах.

С учетом того, что перепись проводилась без предварительного оповещения от 120 до 150 тыс. курдов остались без сирийского гражданства [1]. Курдское население, которое было признано лицами без гражданства, не имело права: владеть недвижимостью, осуществлять деятельность в государственных учреждениях, претендовать на социальную помощь и т. д. Незарегистрированные лишались всех прав, в том числе права на обучения в высших учебных заведениях. Дети, рожденные в семьях данных категорий граждан, также не могли претендовать на гражданство. Тем самым сирийскими властями в вопросе

определения гражданства курдского ребёнка нарушалась 3 статья, параграф 3 сирийского закона о гражданстве в котором закреплено, что гражданство Сирии получает ребенок, родившийся на территории Сирии у родителей без гражданства или родителей, имеющих иностранное гражданство [25]. С учетом демографических процессов к 2010 г. на территории Сирии насчитывалось более 300 тыс. курдского населения лишенных гражданских прав [4, с. 4]. Помимо гражданской дискриминации в адрес курдского населения применялся лингвоцид. В 1980 г. на территории Сирии был выпущен декрет, запрещающий использование курдского языка на работе, праздниках и церемоний. Также не подвергался изменениям запрет на курдские издания, который был введен в период правления сирийского президента Адиба Аш-Шишкали (1951–1954) и продолжен в период правления Хафеза Асада и партии БААС. В 2000 г. была опубликована резолюция 768, которая постановляла закрытие всех магазинов продающих аудио- и видеопродукции на курдском языке [3, с. 15].

На фоне идеолого-политического кризиса связанного с транзитом власти в 2000 г. курдская интеллигенция предпринимала попытки создания собственных «форумов» (*muntadayāt*). Так, в период «Дамасской весны» на территории г. Камышлы была основана организация «Бедир-Хан Форум», которая взаимодействовала с сирийской оппозицией в период идеолого-политического кризиса в стране. Однако формат «форумов» в скором времени был ликвидирован, т. к. в условиях нестабильности «Дамасской весны» правительственными органами было принято решение о том, что деятельность «форумов» может привести к дестабилизации государства. Требования основных курдских общественно-политических сил Сирии (ЕКИТИ, АЗАДИ, Партия демократического союза) были неизменными, и обращали внимание на бедственное положение курдов, на культурно-языковую и гражданскую свободу. На фоне усиливающегося протестного настроения курдов (протесты в г. Камышлы в марте 2004 г., убийство шейха Мохамеда Машука аль-Казнави в мае 2005 г.), надвигающейся войной в Ираке и давлением на Сирию со стороны «коллективного Запада» проблема натурализации курдов без гражданства вошла в общественно-политический дискурс. В 2002 г. данная проблема обсуждалась в парламенте, но лишь к 2011 по мере нарастания волнений в стране специальным указом были выданы сирийские паспорта представителям курдского меньшинства [19].

Новый этап развития курдского вопроса начинается с момента возникновения на территории Сирии многостороннего и многоуровневого конфликта. В начале гражданской войны сирийские курды были в основном лояльны к Дамаску, в большей степени из-за поддержки Турцией антиправительственной оппозиции. Частью гражданских протестов массовые курдские акции стали после обстрела силами безопасности Сирии похоронной процессии Машаала Таммо (лидер политической партии *Kurdish Future Movement in Syria*) убитого в 2011 г., в которой приняли участие 50 тыс. курдов. С 2012 г. курдские районы на севере Сирии находились под контролем местных региональных советов и Отрядов народной самообороны. К этому времени курдские организации вышли из оппозиционного Сирийского национального совета, а Отряды народной самообороны вступили в бои с боевиками Сирийской свободной армии и исламистами, выступая в роли «третьей силы».

Курдский фактор приобрёл новое измерение после начала активных боевых действий против ИГИЛ. С лета 2014 г. боевики ИГИЛ перешли в наступление на территории Сирии. Курдам удалось продемонстрировать стойкость и эффективность в борьбе с террористами при снятии осады с города Кобани в Сирии. В 2015 г. был освобождён город Тель-Абьяд и установлен контроль над стратегической трассой, соединяющей Тель-Абьяд и столицу сирийской ИГИЛ Ракку и т. д. К 2017 г. курдские подразделения Сирийских демократических сил (СДС) и Отрядов народной самообороны (ОНС) при поддержке, возглавляемой США Международной коалиции и продолжительных бомбардировок взяли город Ракку. Наряду с продвижением курдских военных отрядов предпринимались попытки оформления органов власти в «федеративном регионе». В 2016 г. была принята новая конституция, осенью следующего года прошли выборы в муниципальные учреждения и администрации.

После подавления основных сил ИГИЛ, сирийский кризис перешёл на новый этап. На первый план вышли противоречия внешних акторов в Сирии увеличилась роль «курдского фактора» и возросла роль России. Противоречия основных игроков имманентно заложены в преследуемых политических целях, ниже будут приведены основные политические цели акторов вовлеченных в большей или в меньшей степени в сирийский кризис:

- **Россия.** Поддержание территориальной целостности Сирии, политическое урегулирование гражданского конфликта с целью сохранения законно избранного правительства Сирии, закрепление за Россией статуса ключевого военно-политического актора международных отношений.
- **США.** Свержение законно избранного правительства Башара Асада, раздел Сирии на зоны влияния, приход к власти суннитских сил, враждебных шиитскому Ирану, контроль нефтяных месторождений под прикрытием борьбы с террористами и использованием курдского фактора для установления контроля.
- **Иран.** Поддержка законно избранного правительства Башара Асада, сохранение «шиитского коридора» и торговых путей к Средиземному морю, ограничение влияния США в регионе.
- **Саудовская Аравия.** Свержение правительства Башара Асада, поддержка суннитских группировок.
- **Израиль.** Сдерживание Ирана, ограничение доступа «Хизбаллы» к Голанским высотам.

• **Турция.** Предотвращение образования автономных или независимых курдских районов на турецко-сирийской границе, которые могут активизировать сепаратистские процессы на территории Турции, поддержка боевиков «умеренной» оппозиции, туркоман на севере Сирии.

Вооруженный конфликт в Сирии является типичным примером современного гибридного вооруженного конфликта, протекающего в условиях нарастающей интернационализации [18, с. 148]. Многие процессы, запускаемые внешними игроками в регионе, могут привести к дестабилизирующим событиям в итак нагруженном деструктивными процессами геополитическом пространстве.

В силу вышеперечисленного курдский вопрос в Сирии в разрезе внешнеполитической деятельности в сфере национальных интересов России на Ближнем Востоке должен рассматриваться в контексте:

1. Стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, недопущения появления новых очагов напряженности использованием курдского фактора.
2. Сохранения за Россией статуса лидера по содействию мирного урегулирования в Сирии.
3. Усиления России как мощного и влиятельного военно-политического субъекта в международных отношениях.

Негативно на стабилизацию обстановки влияет стремление США сохранить собственные позиции в регионе. Политика США в отношении курдского вопроса в Сирии сводится к созданию очага напряженности и созданию курдской политической оси в регионе, которая в последующем будет использоваться при реализации ближневосточных интересов США. Наглядно это можно проследить в череде принятых США мер: В августе 2020 г. между главнокомандующим Сирийских демократических сил Мазлумом Абди и американской нефтяной компанией «Delta Crescent Energy LLC» было достигнуто соглашение о поддержке правительством США о создание двух нефтеперерабатывающих заводов на востоке от Евфрата [8]. С учётом ранее введённого «Закона Цезаря» направленное на изоляцию подконтрольных правительству районов соглашение с Сирийскими демократическими силами имеет важный политический и экономический смысл. Северо-восток Сирии в данном случае дезинтегрируется из хозяйственной жизни страны. Политическая составляющая вопроса проявляется в усилении курдских сил и следованию последних в американском ближневосточном «фарватере», созданию зон влияния и срыву мирного процесса в Сирии. США, прикрываясь борьбой с международным терроризмом с использованием курдской карты, пытаются осуществлять контроль над сирийской нефтью, 70 % нефтяных скважин в Сирии, расположенных в месторождениях Рмелан и Аль-Омар на востоке Сирии находится под контролем Сирийских демократических сил (ядро СДС составляют курдские отряды самообороны) [9]. В случае эскалации конфликта между Дамаском и северо-восточными курдскими территориями Башару Асаду вероятно придётся предоставить договороспособным курдским силам транспортный коридор для поставок углеводородов через сирийские порты в Средиземноморье с гарантиями соблюдения обоюдных финансовых интересов. Россия в данном случае может стать гарантом договорённости, благодаря такому соглашению Дамаску удалось бы инкорпорировать северо-восток Сирии в хозяйственную жизнь страны. У России есть опыт в реализации на территории Сирии примирительных соглашений, такие соглашения достигались в Алеппо, Восточной Гуте под Дамаском и в южных провинциях, в том числе Сочинский меморандум предотвратил неминуемую конфронтацию на северо-востоке страны. Вышеперечисленное сохраняет за Россией статус лидера по содействию мирного урегулирования в Сирии.

Запущенный Россией «Астанинский процесс» и созданный по инициативе России национальный диалог Конгресс сирийского народа дополняет политическое урегулирование сирийского кризиса и определения будущего страны сирийским народом на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., заявлений Международной группы поддержки Сирии и соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Эффективная борьба с международным терроризмом и предложенные действенные способы урегулирования сирийского кризиса и возникающих на территории локальных очагов конфронтации умножает роль России, как мощного и влиятельного военно-политического субъекта в международных отношениях.

Следует констатировать, что курдский вопрос на территории Сирии и в сирийском кризисе прошел через несколько формаций. С 1946 по 2011 г. сформировался основной комплекс проблем курдского этноса на территории Сирии, он был характерен притеснением курдов со стороны центральных властей. С момента возникновения современного гибридного вооруженного конфликта на территории Сирии, протекающего в условиях нарастающей интернационализации, курдский вопрос приобрел новый статус. На первый план в сирийском кризисе вышли противоречия внешних акторов в Сирии, увеличилась роль «курдского фактора» и возросла роль России. В настоящее время курдский фактор становится основным инструментом влияния США на сирийский мирный процесс. Курдский вопрос в Сирии в разрезе внешнеполитической деятельности в сфере национальных интересов России на Ближнем Востоке должен рассматриваться в контексте: стабилизации обстановки в регионе Ближнего Востока (недопущения появления новых очагов напряженности с использованием курдского фактора), сохранения за Россией статуса лидера по содействию мирного урегулирования в Сирии, усиления России как мощного и влиятельного военно-политического субъекта в международных отношениях.

Будущее курдского вопроса в Сирии должно определяться в первую очередь с позиции главенства политико-дипломатического урегулирования конфликтов в регионе, на основе уважения суверенитета и территориальной целостности Сирии и права самостоятельно определять собственную судьбу без вмешательства извне.

Список литературы

1. Human Rights Watch. Syria: the Silenced Kurds. October 1996. – Режим доступа: www.hrw.org/reports/1996/Syria/htm, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
2. Rosenau, J. National Interest/ International Encyclopedia of the Social Sciences / J. Rosenau. – New York, 1968. – Vol. 11. – P. 37.
3. Stateless Kurds in Syria: Illegal invaders or victims of a nationalistic policy? // Kurd Watch Report 5. – Berlin: European Centre for Kurdish Studies, 2010. – P. 15. – Режим доступа: www.kutdwatch.org/pdf/kurdwatch_staatenlose_en.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
4. Stateless Kurds in Syria: Illegal invaders or victims of a nationalistic policy? KurdWatch Report 5. – Berlin: European Centre for Kurdish Studies, 2010. – P. 18. – Режим доступа: www.kutdwatch.org/pdf/kurdwatch_staatenlose_en.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
5. The Sevres Peace Treaty. 1920. – Режим доступа: <http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1920/TS0011.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
6. Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – P. 1.
7. Wendt, A. Collective identity Formation and the International State / A. Wendt // American Political Science Review. – 1994. – № 88. – P. 385.
8. Can Syria's Kurds reel in Turkey with profits from American oil deal? // Al – Monitor. – 04.08.2020. – Режим доступа: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/08/syria-oil-deal-delta-kurds-sdf-kobane-backstory-turkey.html#ixzz6WnW0dzzb>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
9. EEUU 'conquista' el petróleo sirio//El Mundo. – 07.08.2020. – Режим доступа: <https://www.elmundo.es/internacional/2020/08/07/5f2c1a44fddff435c8b4591.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
10. Алексеева, Т. А. Мыслить конструктивистки: открывая многоголосый мир / Т. А. Алексеева // Сравнительная политика. – 2014. – № 1 (14). – С. 4.
11. Ближний Восток в фокусе политической аналитики: сборник научных трудов. – Москва : ИМИ МГИМО, 2019. – 548 с.
12. Вертяев, К. В. Курдский национализм: История и современность / К. В. Вертяев, С. М. Иванов. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.
13. Ежи, В. Теория национальных интересов в науке и политике / В. Ежи. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/151988/1/15-28.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
14. Запрещенные на территории РФ организации // Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 5 июля 2019 г.). – Режим доступа: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
15. Конституция Сирии 1950 года. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=698>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
16. Мазур, О. А. Перспективы решения курдского вопроса в Сирии / О. А. Мазур // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 4. – С. 84–93.
17. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – Москва : Эксмо, 2014. – 544 с.
18. Манойло, А. В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России / А. В. Манойло // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2. – С. 145–172.
19. Президент Сирии дал местным курдам гражданство // Лента.ру. – 07.04.2011. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/04/07/kurds/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
20. Тренин, Д. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы / Д. Тренин // Московский центр Карнеги. – 2016, 21 апреля. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
21. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ, 2015. – 576 с.
22. Цыганков, А. П. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику//Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке / А. П. Цыганков. – Москва, 1992.
23. Цыганков, П. А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений / А. П. Цыганков // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 119.
24. Цыганков, П. А. Теория международных отношений / А. П. Цыганков. – Москва : Гардарики, 2002. – С. 289.
25. وزارة الداخلية للجمهورية العربية السورية. قانون الجنسية السوري. Закон о сирийском гражданстве. Министерство внутренних дел Сирийской Арабской Республики.

References

1. Human Rights Watch. Syria: the Silenced Kurds. October 1996. Available at: www.hrw.org/reports/1996/Syria/htm.
2. Rosenau, J. *National Interest / International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York, 1968, vol. 11, pp. 37.
3. Stateless Kurds in Syria: Illegal invaders or victims of a nationalistic policy? *Kurd Watch Report* 5. Berlin, European Center for Kurdish Studies Publ., 2010. P. 15. Available at: www.kutdwatch.org/pdf/kurdwatch_staatenlose_en.pdf.
4. Stateless Kurds in Syria: Illegal invaders or victims of a nationalistic policy? *KurdWatch Report* 5. Berlin, European Center for Kurdish Studies, 2010. P. 18. Available at: www.kutdwatch.org/pdf/kurdwatch_staatenlose_en.pdf.
5. *The Sevres Peace Treaty. 1920*. Available at: <http://treaties.fco.gov.uk/docs/pdf/1920/TS0011.pdf>.
6. Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, p. 1.
7. Wendt, A. Collective identity Formation and the International State. *American Political Science Review*, 1994, no. 88, p. 385.
8. Can Syria's Kurds reel in Turkey with profits from American oil deal? *Al-Monitor*. 04.08.2020. Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/08/syria-oil-deal-delta-kurds-sdf-kobane-backstory-turkey.html#ixzz6WnW0dzbb>.
9. EEUU 'conquista' el petróleo sirio. *El Mundo*. 08/07/2020. Available at: <https://www.elmundo.es/internacional/2020/08/07/5f2c1a44fdddf435c8b4591.html>.
10. Alekseeva, T. A. Thinking of constructivists: discovering the polyphonic world. *Comparative politics*, 2014, no. 1 (14), p. 4.
11. *The Middle East in the Focus of Political Analytics: Collection of Scientific Papers*. Moscow, IMI MGIMO Publ., 2019, 548 p.
12. Vertyaev, K. V., Ivanov, S. M. *Kurdish nationalism: history and modernity*. Moscow, LENAND Publ., 2015, 352 p.
13. Jerzy, V. Theory of national interests in science and politics. Available at: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/151988/1/15-28.pdf>.
14. Organizations banned on the territory of the Russian Federation. Available at: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.
15. Constitution of Syria 1950. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=698>.
16. Mazur, O. A. Prospects for solving the Kurdish issue in Syria. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2016, vol. 22, no. 4, pp. 84–93.
17. Machiavelli, N. *Sovereign*. Moscow, Eksmo Publ., 2014, 544 p.
18. Manoilo, A. V. Conflict in Syria and Russia's foreign policy. *Actual problems of Europe*, 2020, no. 2, pp. 145–172.
19. *President of Syria gave citizenship to the local Kurds*. Available at: <http://lenta.ru/news/2011/04/07/kurds/>.
20. Trenin, D. *Russia in the Middle East: tasks, priorities, political incentives*. Available at: <https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388>.
21. Fukuyama, F. *The end of history and the last person*. Moscow, AST Publ., 2015, 576 p.
22. Tsygankov, A. P. Hans Morgenthau: a look at foreign policy. *Power and democracy: foreign scientists on political science*. Moscow, 1992.
23. Tsygankov, P. A. Trends of classical paradigms in the Western theory of international relations. *Social sciences and the present*, 2004, no. 2, p. 119.
24. Tsygankov, P. A. *Theory of international relations*. Moscow, Gardariki Publ., 2002, p. 289.
25. سورية العربية لجمهورية الداخلية وزارة. السوري الجنسية قانون. *Syrian Citizenship Law. Ministry of Internal Affairs of the Syrian Arab Republic*.